

Когда Лин Си и Лин Луань услышали два слова «Цин Цин» из уст командира, их сердца на мгновение замерли. Ван Яньцин сидела спиной к Лин Си и Лин Луань и не почувствовала изменений в них. Иначе она бы наверняка поняла, что со старшим братом что-то не так.

Однако Ван Яньцин не заметила. Её внимание привлекла нежная улыбка в глазах Лу Хэна, и её бдительность постепенно ослабла:

- Мне гораздо лучше. Второй брат, ты так долго пробыл в Фуси, что, наверное, проголодался. Я приготовила для тебя еду, но не помню, что ты любишь, поэтому заказала блюдо, которое ела вечером, и оно показалось мне довольно вкусным.

Личные дела Лу Хэн не выставлял напоказ. Он слишком боялся, что другие могут его отравить, поэтому даже повар семьи Лу не знал, какие блюда он любит есть. Расспросы Ван Яньцин не увенчались успехом, поэтому ей пришлось готовить ужин для Лу Хэна, руководствуясь собственными предпочтениями.

Лу Хэн посмотрел на большой стол из красного дерева с гравировкой. На нем было расставлено несколько видов блюд: мясо, овощи, суп - целый набор продуктов. Под блюдами с едой была подставка с подогревом, которую служанки периодически меняли на горячую воду, так что даже сейчас еда не была холодной.

Повернув голову, Лу Хэн увидел, что Ван Яньцин внимательно наблюдает за ним, похоже, боясь, что он будет недоволен. Лу Хэн не удержался от смеха и потянулся, чтобы погладить Ван Яньцин по голове, но вспомнил, что у неё травма, и убрал руку:

- Я уже сказал, делай в резиденции Лу всё, что хочешь, не нужно быть настолько осторожной, чтобы дрожать от страха. Это как раз то, что мне нравится, но сейчас уже глубокая ночь, и у меня нет особого аппетита...

Лин Си и Лин Луань, сидевшие сзади, повесили головы, в их глазах не было ни малейшего удивления. Всё было так, как они и говорили, командир не прикоснется к этому.

Однако прежде чем Лин Си успела задуматься, она услышала, как тон Лу Хэна изменился, и он с улыбкой произнес:

- Если только Цин Цин, ты будешь сопровождать меня.

Уголок рта Лин Си дернулся, и она почти не сдержала своего выражения. Лин Си и Лин Луань были специально обучены так, чтобы, как бы они ни были удивлены, они не поднимали глаз. Глаза Лу Хэна сверкали, как волны, особенно когда он сосредотачивался на ком-то, он мог почти утопить его. Ван Яньцин покраснела. К счастью, никто не смотрел в её сторону, поэтому она вздохнула с облегчением и едва заметно кивнула:

- Хорошо.

Ван Яньцин не могла участвовать в активной деятельности, поэтому Лу Хэн помог ей медленно встать и неторопливо подвел к столу. Служанки сняли крышки с блюд с едой. Ван Яньцин открыла фарфоровую чашу и удобно подала суп:

- Второй брат, ты только что вернулся, сначала выпей горячего супа, чтобы согреть тело.

Лу Хэн улыбнулся и взял у неё рыбный суп, однако его глаза молча наблюдали за ней. У неё не было памяти, но навыки, приобретенные в течение жизни, остались нетронутыми. Наблюдая за тем, как она подает суп и расставляет тарелки, можно было понять, что она часто делала это раньше. Было ясно, о ком она заботилась. Однако поведение Ван Яньцин несколько не соответствовало информации, содержащейся в записях о ней.

Лу Хэн осмотрел блюда на столе. Вкусы были легкими и сладкими, а мясо - белым. Это полностью отличалось от того, что было написано в записях: «Балуется солеными и острыми блюдами, любит баранину».

Лу Хэн медленно взял в рот рыбный суп и спросил:

- Цин Цин, ты получила травму. Травник специально велел тебе обратить внимание на диету. Ягненок - самый питательный, как насчет того, чтобы сказать им, чтобы они завтра доставили партию овец?

Ван Яньцин слегка нахмурила бровь и спросила:

- Второй брат, ты хочешь такое?

Лу Хэн улыбнулся и покачал головой:

- Нет. Это для тебя.

- Тогда не надо, - Ван Яньцин опустила голову, зачерпнула ложку и сказала. - Мне не нравится запах баранины.

Лу Хэн был уверен, что соленое, острое и баранина - это вовсе не предпочтения Ван Яньцин, а Фу Тинчжоу. Чтобы угодить Фу Тинчжоу, Ван Яньцин заявила, что ей это нравится.

Лу Хэн презрительно прищелкнул языком и начал сомневаться в подлинности расследования. Похоже, заучивание информации не означало, что всё пройдет гладко. Ему предстояло узнать гораздо больше деталей, и делать это нужно было на основе собственных наблюдений.

Лу Хэн смотрел, как Ван Яньцин опускает голову и помешивает суп. Не удержавшись, он рассмеялся и похлопал её по руке, сказав:

- Если тебе не нравится, значит, не нравится. Это же овца виновата, что пахнет бараниной, чего ты расстраиваешься?

Ван Яньцин не смогла сдержать улыбку, она подняла голову и возмущенно посмотрела на него:

- Ты хочешь есть их мясо, но обвиняешь их в том, что оно пахнет. Как ты можешь быть таким неразумным?

- Они сделали Цин Цин несчастной, так что, естественно, это их ошибка, - Лу Хэн говорил спокойно, руководствуясь своей воровской логикой, которая казалась ему вполне разумной. Он говорил себе, что Фу Тинчжоу действительно отвратительный, однако он много раз называл её «Цин Цин», и это было довольно гладко.

Раньше Лу Хэн всегда был молчалив и насторожен во время еды, потому что боялся, что каждый кусочек ядовит. Для него еда не доставляла никакого удовольствия, это была просто физическая потребность. Сегодня компанию ему составила Ван Яньцин, и он неожиданно много ел, разговаривая и смеясь.

Еда, приготовленная Ван Яньцин, была легкой и легко усваивалась. После горячей еды его тело согрелось изнутри, а головная боль от дел о которых он постоянно думал, казалось, превратилась в ничто. Ван Яньцин ужинала вечером, но теперь она сопровождала Лу Хэна. После того как Лу Хэн поставил свою тарелку и палочки для еды, она тоже положила палочки и взяла платок, чтобы вытереть рот.

Служанки тихонько отошли и спокойно убрали посуду. Ван Яньцин налила Лу Хэну чашку чая, осторожно вложила её в его руку и неуверенно спросила:

- Второй брат, у тебя были какие-то неприятности?

Лу Хэн пришел в себя и обнаружил, что снова неосознанно думает о деле. Он открыл чайную чашку и медленно вытер пену. Перед глазами поднялся горячий туман, и он некоторое время не мог определить своё истинное настроение.

Лу Хэн посмотрел на Ван Яньцин сквозь туман и вспомнил, что Ван Яньцин быстро распознает выражения, даже его собственные мысли были ей видны. Поначалу он думал, что Ван Яньцин научилась взвешивать слова и следить за действиями людей, живя под чужой крышей, но теперь казалось, что это скорее природная, обостренная интуиция.

Её чувствительная натура, а также навыки, которые она выработала в результате пережитого, привели к почти злему «чтению мыслей». Предыдущий жизненный опыт подсказывал ей, что

нужно скрывать свои странности, поэтому она намеренно сдерживалась, пряталась, сливаясь с жильем, и посторонним казалось, что она быстро реагирует. Теперь, когда она потеряла память, она вела себя как невинный и растерянный ребенок, но часто говорила удивительно, и её универсальный шокирующий дар проявлялся.

Глаза Лу Хэна слегка дрогнули, и он ещё внимательнее посмотрел на Ван Яньцин. Девушка немного занервничала под его взглядом и с улыбкой спросила:

- Второй брат, почему ты так смотришь на меня? Я что-то не так сказала?

Хотя она улыбалась, её плечи неосознанно напряглись. Лу Хэн мягко улыбнулся, взял руку Ван Яньцин и обнаружил, что кончики её пальцев холодные.

Лу Хэн медленно помассировал кончики длинных пальцев Ван Яньцин и сказал:

- Цин Цин, ты не обязана подчиняться мне. Ты можешь говорить всё, что хочешь, тебе не нужно выяснять, что я хочу услышать.

Она с рождения умела читать людей по взгляду и обладала сильной способностью воспринимать эмоции. Она могла угадать, что хотят услышать другие, по едва заметным изменениям в выражении их лица. Это было действительно уникальное умение, но Лу Хэн не хотел, чтобы Ван Яньцин использовала его на нем.

Он хотел увидеть больше настоящей Ван Яньцин.

Ван Яньцин потеряла дар речи и попыталась спросить:

- Разве не все такие?

Лу Хэн не смог сдержать улыбки и с усмешкой сказал:

- Конечно, нет. Если бы все в мире обладали твоими способностями, Императору не пришлось бы каждый день сердиться на этих глупцов. Это дар небес. Ты можешь использовать его, чтобы защитить себя, но со мной ты можешь говорить честно, тебе не нужно быть слишком осторожной.

Впервые Ван Яньцин обнаружила, что отличается от других, и все же она не могла не следить за выражением лица Лу Хэна:

- Правда?

- Правда, - Лу Хэн уверенно сел, позволяя ей наблюдать за ним. Это действительно была правда, и он не боялся показать ей это. Лу Хэн взял Ван Яньцин за палец и с улыбкой произнес. - Мы с тобой выросли вместе, как брат и сестра, мы ближе, чем даже биологические братья и сестры. В нашей семье, только ты могла свободно говорить со мной!

Ван Яньцин расслабилась, её тело расслабилось, и на лице появилась настоящая улыбка:

- Хорошо.

Лу Хэн почувствовал прикосновение нефрита на ладони и без слов осмотрел её. Поймать её было чистой случайностью. Изначально Лу Хэн хотел использовать Ван Яньцин в качестве рычага давления, но, узнав, что у неё амнезия, тут же передумал. Он планировал сделать из неё секретное оружие против Фу Тинчжоу, но теперь Лу Хэн обнаружил, что польза Ван Яньцин намного больше, чем он мог себе представить.

Такой редкий талант с такой сильной эмоциональной проницательностью, что было бы расточительством отправлять её обратно к мелким дрызгам за резиденцией. У неё должен быть более широкий мир.

Лу Хэн посмотрел на Ван Яньцин и двусмысленно улыбнулся. Внезапно он сел прямо, торжественно взял девушку за руку и спросил:

- Цин Цин, не хочешь ли ты помочь второму брату кое с чем?

- Помочь тебе? - Ван Яньцин широко раскрыла глаза от удивления. - Я?

Хотя Ван Яньцин ещё мало знала о ситуации, она знала, что Лу Хэн был командиром Императорской Гвардии. Судя по тому, как все к нему относились, в его руках была огромная власть. Как такой человек мог нуждаться в её помощи?

Размышляя таким образом, Ван Яньцин также сказала:

- Я ничего не знаю и никого не знаю. Чем я могу помочь второму брату...

Лу Хэн сжал её руку, чтобы остановить её слова:

- Не принижай себя, Цин Цин, ты можешь помочь мне во многом. Несколько дней назад был отправлен документ. Лян Вэй, тысячник Императорской Гвардии в Баодине, скончался. Его жена, госпожа Лян Ши, сообщила, что старшая дочь в это время совершила прелюбодеяние. Государственная канцелярия Баодина приговорила женщину к смерти и передала дело на рассмотрение в столицу.

Местные власти не имели права выносить смертные приговоры, поэтому любые дела, касающиеся человеческой жизни, должны были отправляться на рассмотрение в столицу. С одобрения столицы местные власти могли привести приговор в исполнение. Если столица считала, что возникли проблемы, дело должно было быть рассмотрено заново. Это дело касалось Императорской Гвардии, поэтому оно обошло шесть департаментов и следовало внутренним инструкциям Императорской Гвардии.

Ван Яньцин нахмурилась, слушая, и, поразмыслив немного, спросила:

- Госпожа Лян Ши - биологическая мать старшей дочери Лян Вэя?

В глазах Лу Хэна появилась улыбка, она была очень умна и сразу уловила суть вопроса. Лу Хэн не ответил, а спросил:

- Почему ты задал этот вопрос?

- В этом нет смысла. После смерти отца как дочь могла подумать о прелюбодеянии? Даже если бы она сделала это в период траура по отцу, мать, узнав об этом, постаралась бы найти способ всё скрыть. Почему же она взяла на себя инициативу и сообщила об этом императорскому двору? Есть только одна возможность. Госпожа Лян Ши - не её мать, а мачеха.

Лу Хэн кивнул и подтвердил её догадки:

- Верно, госпожа Лян Ши действительно была второй женой Лян Вэя. Что-нибудь ещё?

У Ван Яньцин не было альтернатив:

- Ты не дал мне никакой другой информации, как я могу догадаться? Иногда мачехи нацеливаются на детей предыдущей жены, чтобы получить преимущество. Её наглость, чтобы навредить оставшейся от брака дочери, зависит от её собственных сил. У неё есть дети?

- Да, - Лу Хэн кивнул и радостно ответил. - У Лян Вэя было два сына. Старший сын и дочь - от предыдущей жены Лю. Только младший сын - от его второй жены. И вот ещё что я могу сказать: Должность Тысячника Императорской Гвардии может быть наследственной. Когда Лян Вэй умер, его сын должен был унаследовать должность Тысячника. Что касается того, на кого из сыновей она падет, то это будет зависеть от ситуации.

Согласно закону династии Мин, после смерти отца всё родовое имущество наследует старший сын, а старший сын передает его старшему внуку. Однако династия Мин передавала этот закон на протяжении последних ста лет. Закон, установленный при основании страны, давно изменился на практике. Самый свежий пример - Фу Юэ, маркиз Чжэньюань, переступил через своего сына и напрямую передал должность маркиза своему внуку. Полководец Лу Сун также обошел своего старшего сына и передал наследственную должность Императорского

Гвардейца своему второму сыну, Лу Хэну.

Фу Тинчжоу и Лу Хэн считались выдающимися по своим личным способностям и получили исключительное наследство, но в мире было больше обычных людей, не отличавшихся особым умом. Например, в семье Лян Вэя, согласно этикету и закону, старший сын должен был унаследовать должность Тысячника, но если второй сын унаследует чиновничью должность на том основании, что он более талантлив, то это действительно может быть сделано.

На лице Ван Яньцин появилось внезапное осознание, после чего она сдержала свой гнев и сказала:

- В этом есть смысл. Кости Лян Вэя ещё не остыли, а госпожа Лян Ши в это время заставила умереть старшую дочь бывшего супруга, да так, что делала это, невзирая на собственную репутацию. Скорее всего, у неё были другие планы. Это дело ни в коем случае нельзя назвать прелюбодеянием.

Пока Ван Яньцин говорила, Лу Хэн молча слушал. Когда Ван Яньцин закончила говорить, он вздохнул и сказал:

- Цин Цин, ты действительно очень умна, гораздо лучше, чем эти чиновники снаружи.

Когда Ван Яньцин услышала эту фразу, у неё вдруг появилось плохое предчувствие:

- Может быть, это дело уже решено?

- Именно так, - Лу Хэн устало вздохнул и подтвердил догадку Ван Яньцин. - Дело было решено, и командир Чэнь Ду утвердил приговор. Боюсь, скоро госпожу Лян казнят за прелюбодеяние.

Ван Яньцин попыталась спросить:

- Командующий Чэнь Ду - это...

- Лорд Чэнь Иньчэнь, - Лу Хэн посмотрел на Ван Яньцин, свет внутри него был безмятежным, а в воздухе, казалось, витало некое скрытое течение. - Командир второго ранга, возглавляющий Императорскую Гвардию. Он также является моим начальником.

Ван Яньцин внезапно замолчала. «Старший офицер Лу Хэна одобрил это дело...»

Такое часто случалось в бюрократии, особенно с тех пор, как семья Лу перешла в армию. В армии больше всего заботились о рангах и старшинстве. Если старший офицер считал, что это прелюбодеяние и за него следует казнить, то даже если нижестоящие сомневались, они должны были подчиниться.

Ван Яньцин опустила глаза и ненадолго задумалась, всё ещё испытывая сильную злость:

- Но это же человеческая жизнь. Незамужнюю женщину казнили за прелюбодеяние, но что, если она не была права?

Лу Хэн вздохнул и пристально посмотрел на Ван Яньцин. В его сверкающих янтарных глазах читались разочарование, беспокойство и мольба, как в кувшине с выдержанным вином, которое почти влилось в сердце девушки.

- Это часть, которую я тоже не могу вынести, но неповиновение начальнику - это преступление. Цин Цин, не хочешь ли ты мне помочь?

<http://tl.rulate.ru/book/75419/4648403>